

ПРОГУЛКА

ПО ВОСПОРСКОМУ ПРОЛИВУ И
ПО БЕРЕГАМЪ АЗОВСКАГО МОРЯ,
ВЪ 1820 ГОДУ.

L'admiration, qui résulte de la spéculation de la nature, est une émotion paisible qui chatouille les esprits et tient le sens dans une activité favorable.

Le Chancelier Bacon.

Спрабонъ говаривалъ: »всякій человекъ, описывающій свои пупешесствія, есть лжецъ;» — попому, можетъ быть, что всякій пупешесственникъ, созерцая природу, отъ какихъ-либо причинъ бываетъ въ особенномъ расположеніи духа. Въ семъ состояніи его представляются предметы не такими, каковы они въ самомъ дѣлѣ; но такими, какъ рисуется въ его воображеніи, какъ чув-

ствуетъ его сердце; и кому неизвѣстно, сколь сіи способности души могутъ быть по обстоятельствомъ разнообразны! При всемъ томъ, опытные наблюденія человека въ спранахъ дальнихъ, самыя даже чувствованія путешественника, предметами и происшествіями возбужденныя, будучи описаны вѣрно, умно и пріятно, бывають любопытны, наставительны для ума и утѣшительны для сердца нашего.....

»Иногда не худо сказать,» говоритъ Морицъ въ своемъ путешествіи по Англіи: »какъ кому чѣмъ показалось.»

Сидя на крупомъ утѣсѣ у Киммерическаго пролива, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города Тамана, взоръ мой невольно обращался на излучистые берега Тавриды, знаменитой многими Историческими происшествіями, и прославленной путешественниками въ Физическомъ отно-

шеніи. Родилось у меня пламенное желаніе посправствовать и по Воспорскому проливу и по берегамъ Тавриды, коему охотно, по просьбѣ моей, согласился удовлетворить Бар. Тицъ, начальникъ остр. Тамана. — 14-го Іюля (1819) онъ извѣстилъ меня, что есть случай отправишься въ Еникаль, наспоаявъ у хозяина морской лодки, отправлявшейся туда, о припятіи меня въ оную. Снабдивъ себя свидѣтельствомъ о званіи моемъ, дабы не понести огорченій, попавъ въ число людей подозрительныхъ, я велѣлъ снести мой чемоданъ въ лодку, — и въ 10 часовъ вечера мы отчалили отъ берега.

Я на морѣ! — Вечеръ былъ тихій и темный. Неберусь описывать моихъ чувствованій: они кроются въ сердцѣ того, кто можетъ находиться въ подобномъ моему состояніи, кто въ первый разъ находится на морѣ, въ темную ночь, и ко-

му судьба отказала въ способахъ ,
выполнять свои полезныя желанія ,
стребующія издержекъ !

Тихо плывешъ наша лодка по зыблямъ пролива , гонимая попутнымъ пихимъ юго - восточнымъ вѣтромъ . Слѣдъ оной вдаль видѣнъ , подобно млечному пути въ небѣ . Небо было чистое ; тѣма звѣздъ украшала голубой сводъ онаго , который опирался на Тавриду , Кавказъ , Азовское море и Понтъ-Евксинскій . Легкое колебаніе водъ пролива отражало тѣмы свѣплыхъ точекъ , а иногда были на оныхъ видны свѣплыя и извивающіяся спруи : Физика объясняетъ сіи морскія явленія . — Совершенное безмолвіе окружаетъ насъ : болѣе часа никто изъ насъ непромолвилъ ни слова . Таманскіе берега , удалясь отъ насъ , одѣлись уже въ непроницаемый мракъ и представляли грозную тучу . Восемь человѣкъ находятся на предѣлахъ двухъ міровъ : одна доска

отдѣляетъ насъ отъ оныхъ. Ужасъ разлился по всѣмъ моимъ членамъ, при одномъ о семъ помыслѣ. Ежели засвирѣпсвуетъ буря, опрокинетъ нашу лодку: никто не придетъ къ намъ на помощь; разлучишь меня съ симъ міромъ, еще опраднымъ, — съ моими родными и друзьями; повлечется шрупъ мой по валамъ необозримаго Понша Догадки кровныхъ и друзей о моей участи, повергнувъ ихъ въ огорченія сердечныя . . . Я былъ расстроганъ !

Вотъ чѣмъ я занимался, опплывъ отъ берега до четырехъ верстъ. Мои размышленія были прерваны болѣзнію пассажирокъ, которая обнаруживалась шошнотю : это обыкновенная морская болѣзнь, происходящая отъ качки лодки, для первенцовъ въ сей поѣздкѣ.

Я узналъ, кто были сіи пассажирки; онѣ родомъ Гречанки: мать и дочь Р. Керченскія уроженки. Гречанки вообще прелестны: такъ пи-

шупъ пупешественники, такъ я слышалъ о семъ опъ многихъ очевидцовъ; по крайней мѣрѣ, такъ ихъ хотѣлось рисовать моему воображенію: а кому неизвѣстно, сколь оно бываетъ сильно у людей въ 22 года?

Погода совершенно утихла. Гребцы принялись за бадьи, и дружнымъ махомъ подвигали лодку къ Тавридѣ. Уже видно было Черное море, заслоняемое прежде опъ насъ высокимъ Таманскимъ мысомъ. » Слава Богу, « сказалъ хозяинъ лодки, положивъ на себя при креста; » вороша уже отворились. « Эшо значить, что мы уже совершили половину пущи.

Тишина на морѣ продолжалась еще, но въ лодкѣ свирѣпствовали шумные, — дружескіе рассказы между мною и пассажирками, въ которые часпо вмѣшивался и замысловатый хозяинъ оной, правившій рулемъ, а иногда и гребцы. Невзирая на шо, море спояло

какъ стекло; гребцы устали; бросили якорь и рѣшились ждашь погоды. Это было въ полночь.

Съ полнымъ упованіемъ на Провидѣніе, я уснулъ, прислонивъ голову къ мачтѣ. Крики мажорсовъ, вытягивающихъ якорь, пробудили меня. Я бросилъ взглядъ на воспокъ: солнце еще невосходило. Мнѣ хотѣлось повѣришь чувствованія краснорѣчиваго Шатобріана, кошорый, плѣняясь великолѣпнымъ восхожденіемъ сего свѣшила на морѣ, излилъ свои мысли и благоговѣніе къ Богу въ своемъ путешествіи, помнишься, по прелестной Греціи; но воспокъ былъ заслоуенъ легкими тучами; все небо подернулось чешуйчатыми облаками.

Дѣмалось свѣтлѣе; тучи отгонялись за небосклонъ въперкомъ, и я увидѣлъ восхожденіе солнца! Ощупивъ первый лучъ сего блестящаго и великолѣпнаго шара, я былъ внѣ себя

ошѣ восхищенія: никогда подобнаго не-
 видывалъ на твердой землѣ. Вся лод-
 ка окружилась горящими валами; мо-
 ря Азовское и Черное, весь проливъ,
 одѣлись въ богатые радужные цвѣ-
 ты: все волшебное, изящное, вос-
 пѣтное Аріостомъ, ничто съ сею
 картиною. Чувства мои обвороже-
 ны ошѣ собранія всего драгоценнѣй-
 шаго и прелестнаго, которое въ каж-
 дое мгновеніе перемѣняется въ луч-
 шее, плѣнительнѣйшее. Горы Таври-
 ды облины златомъ лучей свѣтила
 сего. Керчь и Еникаль видны такъ
 ясно, что одинъ домъ ошѣ другаго
 опдѣлить можно. Въ полношѣ, обво-
 роженной такими прелестями ду-
 ши, я обратился къ моимъ знаком-
 камъ, которыя, чувствуя высокое
 и изящное въ природѣ, умѣли под-
 держать и раздѣлить мое восхи-
 щеніе... Софія (дочь), умная, ю-
 ная и прелестная какъ роза, пусти-
 лась въ объясненіе сего явленія и

своихъ чувствованій по своему; выраженіе оныхъ было живо, плавно, пріятно и справедливо. Ей было 16 лѣтъ отъ роду.

Верспахъ въ шрехъ къ сѣверу примѣшили мы низкій мысъ, называемый Черноморцами *Чушка*; мореплаватели же называютъ *Сѣверо-восточною косою*. Хозяинъ маленькой нашей флотиліи вошелъ въ совѣщаніе съ чепырьмя мапросами о томъ, дабы приблизиться къ косѣ, а опшуда направивъ лодку прямо въ Еникаль. »Безъ сего,« продолжалъ онъ, »быстрое теченіе пролива и бурныя опнесутъ нашу лодку къ Керчи и далѣе « Это было противно желанію и цѣди всего экипажа, кромѣ двухъ пассажировъ. Мы пристали къ косѣ.

Здѣсь часпо, можешъ бышь, спояли толпы вооруженныхъ Скиеовъ, копорые съ завистью и досадою смотрѣли на богатый Воспоръ, владѣемый Мишридашомъ Великимъ. Иног-

да, ослѣпленные жадностію къ ко-
рысти, врывались на утлыхъ сво-
ихъ ладіяхъ къ берегамъ Тавриды;
предавали огню и мечу все то, чего
не могли съ собою взять, и шѣмъ
мстили Воспорцамъ за своихъ сопле-
менниковъ утѣсненныхъ, жившихъ
въ горахъ сего полуострова, — до-
колѣ мстительная рука могуществен-
наго Мишидаша, ведала имъ чув-
ствовать ихъ безразсудности. Бы-
стрый бѣгъ пролива и бурнъ довер-
шали торжество Царя Понтійскаго.

Вошъ воспоминаніе, которое пробу-
дилось поспѣшь при вступленіи на
мысль! Присовокуплю еще, что завое-
ватели, ослѣпленные властолюбіемъ,
никогда непріобрѣтають расположе-
нія къ себѣ ошъ своихъ побѣжден-
ныхъ; самые даже сосѣди, боясь той
же участи и нежелая померять сво-
ей вольности, не всегда завидной,
но любезной, ищутъ случая къ ихъ
погибелѣ.

Говорить простовародная пословица: *запасъ бѣды не дѣлаетъ*. Я выѣхалъ изъ Тамана, поужинавъ; думалъ на разсвѣтѣ завшпракать въ Еникалъ. Солнце уже высоко, а я еще на кося, и при томъ безъ хлѣба! Воды прѣсной оставалось также мало — и должно опасаться, дабы не подвергнуться участи Таншала.

Знакомки мои были ко мнѣ милостивы; онѣ предложили мнѣ свой запасъ — бѣлый хлѣбъ и балыкъ, приугошвленый на берегахъ Воспора. Симъ промысломъ особенно занимающіяся жители Керчь-Еникальскіе; вкусъ оныхъ неуступаетъ балыкамъ Астраханскимъ.

Мапросы лакомятъ себя соленою рыбою, сухарями и кашицею, сваренною на морской водѣ. Четверть часа прошло — и воды неспало!

Между тѣмъ сдѣлался сильный бурень, воздымающій волны быстрого пролива, который въ семь мѣ-

спѣ составляетъ ширины около пяти верстѣ. Солнце, коего знойные лучи изнурили насъ, уже переступило за полдень. Машросы нервшаюпся продолжать пути, представляя, что чрезмѣрная быспроша пролива, съ сильнымъ волненіемъ онаго, будетъ гибельна для насъ.

»Такъ, другъ швой,« писалъ я нѣкогда къ любезнѣйшему Фе. Ле. Тюр., (вскорѣ послѣ сего путешествія) »валяется на горячемъ пескѣ, подверженный всѣмъ дѣйствіямъ знойныхъ лучей солнца и мучимый нестерпимою жаждою, копорой нѣчемъ уполишь! Взоры мои блуждаютъ по горамъ Тамана и Тавриды; вижу: жителей Еникальскихъ, прогуливающихъ по берегамъ пролива, или въ заботахъ по коммерціи, или на досугъ, въ пѣни безопасно отдыхающихъ; лодки, разѣзжающія не въ дальнемъ разстояніи отъ берега; слышу гулъ, происходящій отъ разбишя валовъ

пролива о каменный утесъ, называемый Акбурунъ. Но другъ твой не ощущалъ никакой пріятности! Столько - то справедливо, что прелести и великолѣпіе природы тогда только доступны созерцателю оной и поразительны для его чувствъ, когда вещественная часть его и самая важнѣйшая, т. е. желудокъ, не терпитъ никакихъ огорченій!«.....

Мои знакомки находились въ подобномъ моему состояніи. Въ полусаженіи отъ берега я выкопалъ яму, мгновенно наполнившуюся водою, очень прошивною для вкуса, и мы утолили жажду. Но это утоленіе подобно искрѣ, плѣющейся въ горючихъ веществахъ: мы почувствовали внутри себя еще бѣльшій жаръ, пошноту, а въ добавокъ и величайшую скуку.

Въ 4 часа пополудни, огорченія наши кончились: прѣхавшій лансонъ (родъ одномачтоваго корабля) къ ко-

съ, снабдилъ насъ свѣжею и чистою водою. На немъ переправлялись войска, шедшіе въ Грузію. Тамъ я нашелъ многихъ знакомыхъ, съ коими вмѣстѣ воспитывался; свиданіе сіе было чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ пріятнѣе. Въ короткое время, много наговорили, узнали о цѣли и счастья другъ друга. Со мною была и милая Софія съ матерью; поздравленіе и любопытство молодыхъ Офицеровъ приводили ее въ краску: ибо они полагали, что я женатъ.

Уже и солнце зашло за Крымскія горы; мракъ накиннулъ покровъ свой на всѣ предметы; спало темно: скрылись берега Тавриды и Тамана; небо покрылось шучами, необъщавшими намъ скорого вступленія на швердую землю. Безпокойствія душевныя, жаръ солнечный, и сухой вѣспръ изнурили насъ, непривыкшихъ къ шаковой жизни. Къ счастью я уснулъ.

Въ самую полночь я пробудился

опъ громкихъ голосовъ мапросовъ, освобождавшихъ лодку опъ мели. Мы опчалились иплыли по быспрому проливу: но, куда направлена лодка, по причинѣ чрезмѣрной темноты, неизвѣстно было и самимъ мапросамъ. Они мельками какъ шѣни, казалось, въ ужасномъ хаосѣ; въперъ дулъ съ южной споронь холодный и сильный. Эта минуша была разишельна для меня, какъ еще первенца въ мореходствѣ: ужась оковалъ всѣ мои чувства. Пассажирки спяшъ крѣпкимъ сномъ. Я взглянулъ еще разъ въ ту спорону, гдѣ должно быть берегу Тавриды; взглянулъ на моихъ знакомыхъ, на мапросовъ, бодршвующихъ надъ безопаснымъ нашимъ плаваніемъ, и — расположившись близъ главной мачты, опашъ уснулъ.

Холодный въперъ проникнулъ меня: я пробудился; засѣрѣлъ воспокъ: мысъ Еникальскій, какъ исполинъ въ мрачномъ хаосѣ, бросился мнѣ въ

глаза ; берегъ становился ближе , и наконецъ мы пристали къ оному.

Еникаль. 16-го Іюля.

И такъ я на берегу сего прославленнаго полуострова , въ десяти саженьяхъ отъ купеческихъ рядовъ города Еникаля ! Прошедшія безпокойства тѣлесныя и душевныя преобладали отдохновенію. Я перебрался въ Черноморскую паланку — домъ , выстроенный Черноморцами въ Еникаль для поспрбеноспей войсковыхъ. Здѣсь всегда живетъ Урядникъ съ нѣсколькими казаками. Обязанность его , блюсти войсковыя лодки и смотрѣть за исправностію переправы черезъ проливъ. По сему предмету Черноморскіе Казаки чередуются съ жителями Еникаля.

Городъ сей стойтъ на опломъ берегу пролива ; имѣетъ каменную и хорошей Архитектуры церковь ,

стоящую на поверхности крутого пригорка ; всходъ къ оной затруднителенъ , а особливо въ зимнее время. Тамошній Священникъ показывалъ мнѣ престолъ оной , котораго верхняя доска состоишь изъ цѣлаго бѣлаго мрамора. Въ ней находящіяся галереи , на коихъ , при отправленіи Богослуженія , помѣщаются однѣ только женщины : такимъ образомъ оба пола разлучены , дабы неосвлекаться отъ благоговѣнія , должнаго въ Храмъ. Подлѣ церкви стоишь надгробный памятникъ Митрополиту Монеувасійскому , Анфиму , погребенному здѣсь въ 1804. году 23-го Марша. Свирѣпство властителей Греціи , рѣшили его оставить прелестную , но злосчастную свою родину , и поселились въ Еникалъ , дабы , подѣ законами Благопіворителѣй Греціи , Русскихъ Монарховъ , кончить въ тишинѣ прескратѣлыѣ дни свои.

Близъ церкви, въ каменномъ флигелѣ, помѣщается училище, въ которомъ дѣти поселившихся здѣсь Грековъ назидаются въ первыхъ основаніяхъ вѣры Греческой; шутъ же научаются и непохвальнымъ иногда оборотамъ торговли, въ коихъ изъ Воспочныхъ народовъ особенно отличаются Греки. Учитель былъ Грекъ, одѣтый въ куртку, съ широкимъ исподнимъ платьемъ и въ шуфляхъ безъ чулковъ. Въ такомъ нарядѣ я засматъ его сидящимъ на окнѣ: ибо нѣтъ для него ни стула, ни стола. Первое привѣщствіе его ко мнѣ — была жалоба на жишелей Еникаля, которые дурно расплачивались съ нимъ за его труды. Малютокъ было до 15 человекъ. Какая разница между симъ училищемъ и Аѳинскою Академіею, гдѣ учили Сократы, Платоны и Пиеагоры, — не въ курткахъ, но въ важныхъ, длинныхъ одеждахъ! подумалъ я. — Оипъ

туды выходили: Периклы, Алкивиады; оттуда произошли люди, которые держали бразды Афинской, Республики облакали ее въ славу и могущество, заставляли трепетать Персов; здѣсь же образуются мелкіе торгаши, которые, находясь въ бѣдности, для прибыли прибѣгають иногда къ хитростямъ и обманамъ. Еникальскіе Греки во всемъ, кажется, далеко отстають отъ древнихъ Грековъ!

Вышеупомянутый Священникъ управляетъ здѣсь и должность чичероне. Онъ былъ мнѣ рекомендованъ Урядникомъ Черноморскимъ; полшина серебра и нѣсколько вина — было достаточною платою за его суточные труды: онъ немзловменъ, но полезенъ.

Быстрыми шагами мой чичероне провелъ меня по главной улицѣ Еникаля — узкой, темной и простирающейся вдоль берега. Ряды внизу домовъ, не богатые: въ нихъ нахо-

дятся большою частію съѣстные припасы, коими снабждають людей, проходящихъ на судахъ мимо сего города въ Таганрогъ. Проводникъ мой, будучи самъ Грекъ, невыгодно отзывался на счесть честности своихъ единоземцовъ въ торговыхъ оборотахъ. Но впрочемъ нельзя сего постановить въ непрѣмное правило: *въ семьѣ не безъ урода*, говоритъ пословица; припомъ люди, имѣющіе свои слабости, едва ли могутъ служить свидѣтельствомъ, заслуживающимъ довѣренность.

По уступленіи Россіянамъ отъ Турковъ сего города въ 1774 году, Блаженныя памяти Екатерина II, мудрая въ политическихъ расчетахъ, позволила пустымъ Янычарскія хижинамъ занять Архипелажскимъ пришлымъ Грекамъ, — какъ очень способнымъ къ поддержанію торговли. Поселенцы сіи пользуются особенными преимуществами, сею Великою Мо-

и а р х и н е ю имъ дарованными : они освобождаются отъ рекрутскихъ наборовъ и плащятъ подать по 5 руб. съ дома. Примушества сіи распространены на 80 лѣтъ и подтверждены Императорами Павломъ I. и Александромъ I.

Милости сіи покойной Монархини, можетъ быть, были и съ другою цѣлью . . . Кажется, Екатерина II-я думала угнѣждаемыхъ рабствомъ Грековъ освободить отъ ига Турецкаго. Сей народъ нынѣ самъ собою мужеспвенно выполняетъ мысли Монархини Россійской.

Жителѣй всѣхъ считается до 800 душъ; а домовъ низкихъ, каменныхъ и покрытыхъ черепицами, съ маленькими окнами, 131. — На окнахъ находятся желѣзныя рѣшетки съ занавѣсами : это Азіятскій обычай, чтобы сохранить женъ своихъ и отъ солнечнаго зноя и отъ взглядовъ поспороннихъ. Одалиски сіи мо-

гупишь только при закатѣ солнца подышать свѣжимъ воздухомъ, прогуливаясь по берегу пролива въ сопровожденіи своихъ мужей или опцовъ, коихъ суровые взгляды устраниаютъ далеко любопытныхъ.

Я бродилъ по крѣпости, находящейся близъ города. Она окружена толстою каменною стѣною изъ дикаго камня, коей высота отъ поверхности моря простирается сажень на 10, съ сухаго же пущи сверхъ того окружена еще и землянымъ валомъ. Крѣпость сія построена Турками въ 1705 году, дабы обуздать тщеславные замыслы Крымскихъ Хановъ, подвластныхъ Турціи, и заградить Россіянамъ путь въ Черное море; она расположена на скалѣ горы такъ, что — горе неприязненнымъ караблямъ, плывущимъ по форвату, находящемуся отъ нея не далѣе 150 сажень! Внутри крѣпости находится фонтанъ, сваб-

жающій чистою и здоровою водою всѣхъ жипелей Еникаля. Сіа вода проведена изъ горы, въ 3-хъ вер-
синахъ отъ крѣпости отстоящей,
черезъ свинцовыя трубы; секретъ
сей и понынѣ немногимъ извѣстенъ.
Прежде въ сей крѣпости былъ Ко-
мендантомъ Турецкій Паша, со мно-
гочисленнымъ гарнизономъ, котора-
го часть, за тѣсною въ крѣпо-
сти, помѣщалась въ домахъ Еника-
ля. Нынѣ въ оной гарнизонъ немно-
гочисленный, управляемый Штабъ-
Офицеромъ: ибо непредвидится ни-
какой опасности отъ вѣшнихъ вра-
говъ.

На самомъ берегу стоитъ Тамож-
ня: домъ каменный, въ которомъ жи-
ветъ и оною управляетъ Надзира-
тель. Красный флагъ украшаетъ
онъ.

Здѣсь проживаетъ много Анадо-
льцевъ и Грековъ изъ Бѣлаго моря
(Архипелага), для промысловъ; они

занимаются починкою судовъ, перевозомъ товаровъ изъ Еникаля въ Керчь и обратно, въ морскихъ лодкахъ. Въ продолженіе цѣлаго дня, они одни представляютъ дѣятельность на берегу и пріятный видъ отъ простоты ихъ одежды.

Еникаль можно почти назвать лабиринтомъ: множество переулковъ изгибаются, входятъ одинъ въ другой и пересѣкаются, а особливо на горѣ подлѣ церкви. Дома снаружи очень не красивы; внутри же темны, шѣсны и похожи болѣе на погребъ; припомъ ни въ городѣ, ни внѣ онаго нѣтъ никакого садика; отъ чего пріѣзжему онъ кажется унылымъ и скоро наводитъ скуку; впрочемъ онъ могъ бы оными украситься; ежели бы жители обращали на то свое вниманіе: весь полуостровъ Керчинскій имѣетъ кряжъ земли плодородный.

Немогли войти въ общество жи-

телей Еникаля, ради оспорожнаго и подозрительнаго характера ихъ, я спѣшу распроспиться и съ Еникалемъ и съ моимъ любезнымъ чичероне. — Ъду въ Керчь.

(Продолженіе въ слѣд. кн.)

ПРОГУЛКА

ПО ВОСПОРСКОМУ ПРОЛИВУ И
ПО БЕРЕГАМЪ АЗОВСКАГО МОРЯ,
ВЪ 1820 ГОДУ.

(Продолженіе.)

Керчь. 17-го Іюля.

При выѣздѣ изъ Еникаля, поднявшись на гору, при подошвѣ высокой горы ясно увидѣшь можно городъ Керчь, коего разстояніе отсюда считающъ 12 верстъ. Дорога отъ Еникаля къ сему городу идетъ по берегу пролива Таврическаго; внутри же мыса простирается ровная степь, окруженная горами, кои покрыты многочисленными стадами овецъ. За горами находящіяся аулы Татаръ, которые нѣкогда врывались въ сердце Россіи, неся въ нее опустошеніе и всѣ ужасы: обыкновенное занятіе

людей первобытнаго состоянія! Нынѣ же они обузданы и пріучены къ первымъ основаніямъ гражданской обязанности — покорности и трудолюбію. . . . Я въ Керчи.

» Въ ожиданіи дил опъѣзда моего изъ Пантикапеи, » пишеть Анахарсисъ младшій въ своемъ пушешесписіи по Греціи: » я немогъ насмотрѣться на крѣпость ея , арсеналъ , на пристани , корабли , ихъ снаряды и движенія ; я ходилъ , какъ мнѣ хотѣлось , на фабрики , въ малыя лавки ; выходилъ за городъ , и мои взоры устремлялись на сады , обилующіе плодами , на нивы богатыхъ жатвою. Я спрашивалъ у Тимагена (Фивянина , его невольника) , чію Меотійское озеро не величайшее ли изъ морей , а Пантикапел не прекраснѣйшій ли городъ въ мірѣ ? » . . . Теперь пристань пуста ; крѣпость повреждена и готова разрушиться ; городъ и крѣпость окружены снѣгью ! . . .

Впрочемъ , построеніе сего города лучше Еникаля , и величиною нѣсколько болѣе онаго. Близость залива, окруженнаго горами и удобнаго къ приставанію кораблей, доставляетъ нѣкошорую выгоду жишелямъ. Я слышалъ , что жишели Керчь - Еникальскіе намѣреваются просить Государя Императора о позволеніи открыть здѣсь портъ ; хотя и безъ того многіе корабли , идущіе въ Таганрогъ, здѣсь пристають , а иногда зимуютъ (*). Горы , окружающія долину , доставляютъ городу чистую и здоровую воду. Купеческіе ряды и дома здѣсь порядочные ; улица , идущая вдоль горы , называется *Золотою* , довольно широка и длинна. Здѣсь находится главное Уѣздное Правительствво, отъ коего зависитъ и жишели города Еникаля.

(*) Это было писано въ 1820 году ; нынѣ же портъ въ семъ городѣ уже открытъ.

Крѣпость опѣ времени очень повреждена, но и самыя сіи руины показываютъ прочное, большихъ издержекъ спюющее, сооруженіе оной. По срединѣ оной находилъсѣ церковь каменная, копорал очень древна; на одномъ мраморномъ сполбѣ въ оной поставлено Славянскими буквами: 6265 (757) годъ, означающій время погребеннаго подъ нимъ тѣла.

Общество здѣшнее — и лучше и многлюднѣ Еникальскаго. Женщины одѣваются съ лучшимъ вкусомъ, по Европейски. Дѣвушки обвиваютъ свою голову длинною своею косою, копорая опѣ того дѣлаетъсѣ и полнѣ и прелеснѣе. Вообще Гречанки прелеспины; важная фигура и изящная шея имъ придають нѣжность, красоту и мужество.

Сей городъ вмѣстѣ съ Еникалемъ подпали Россійской Имперіи въ 1774 году, и такимъ образомъ ознаменовалось скорое покореніе всего Крыма.

Пришлые изъ Архипелага Греки, въ томъ же году населили оный, а Татары все удалились въ горы. Городъ сей построенъ Греками, выходцами изъ Милепа, и существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; потомъ онъ составлялъ столицу Европейскаго Восточнаго Царства; владѣли имъ Генуезцы, Татары, и до вышеозначеннаго году онъ находился подъ властію Порты.

Гора, при подошвѣ которой стоитъ городъ, называется *Золотою*, по причинѣ притонароднаго преданія, будто въ пещерѣ, на вершинѣ оной находящейся, хранится много сокровища, спрятаннаго ужасными чудовищами. »Еще никто недосигалъ конца сей пещеры,» говоритъ добрая моя хозяйка, крестясь троекратно. « Тамъ, говорятъ, лежатъ большія сокровища, зачатые царицею-волшебницею. Нѣкоторые смѣльчаки, чибобы воспользоуаться симъ

богатствомъ , вступали въ оную съ огнемъ ; но малая часть выходила изъ оной , и по измученная , безъ огня и языка . Говорятъ , будто въ каждую полночь тамъ слышатъ женскій вой»

Не Киммерійская ли это пещера , чрезъ копорую , по повелѣнію Цирцеи , Улисъ спускался въ царство мѣстной , и безсмертный Пѣвецъ Одиссеи передалъ потомству сіи народные рассказы въ превосходныхъ своихъ стихахъ ? . . . (*) Въ прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ Греціи , жители обладали возвышенными чувствами ; пламенное ихъ воображеніе , какъ бурный источникъ , прервавъ оплоты сущности , увлекало ихъ въ область Фаппазіи .

(*) Если справедливо то , что сказалъ Каллимахъ . Онъ хочетъ доказать , что Улисъ спускался по Азовскому морю , около береговъ древней Скиѣи , и совѣдуетъ искать Сциллы и Харибды у береговъ Черноморскихъ .

Страна сія была обитаема Греками, а сего уже довольно, чтобы осматривать ее очами наблюдательными. Взойдемъ на гору: какая крутизна! Я на вершинѣ оной. Прелестный видъ! Вы увидите: Кавказскій хребетъ, углубляющійся въ матерую землю, и грозный Понтъ, предѣлы коихъ терялись въ отдаленной синевѣ воздушной; мысъ Таманскій, рисующійся въ волнахъ пролива Киммерійскаго: тамъ равнины—жилища Казаковъ Черноморскихъ; Азовское море и равнина полуострова Крымскаго, ограничивающаяся цѣпью горъ. Восходящее солнце, которое выбиралось изъ упреннаго тумана, придавало прелесть сей картинѣ. Возвышенныя мѣста, расширяя горизонтъ зрѣнія, показываютъ большее число предметовъ. »Здѣсь дыханіе становится свободнѣе; разумъ очищается, выяснивается—и, кажется, душа человѣческая, освободись опъ

своихъ уѣзъ, расширяется и дѣйствустъ въ высшей степени своего могущества» говоритъ Антенору Ласфенія, сидя съ нимъ на горѣ Гиметтѣ. — Я, сидя на бугрѣ Европейскомъ, осматриваю часть Азіи, славою древними царствами и кочевьями дикарей Скивоовъ, и нынѣ обитаемой многими народами, мало чѣмъ оплечающимися опъ людей первобытнаго состоянія. Для Европейца Азіяцкіе народы очень любопытны; — исчезнувшіе царства и поколѣнія, возбуждая въ человѣкѣ прелесть томности, раждаютъ размышленія и воспоминанія.

Честолюбіе и злодѣйства Митридата проявились битвы съ Римлянами, кои, благопріятствуемые счастьемъ, лишили сего непримиримаго Государя наслѣдія предковъ его — Царства Поннійскаго. Власть его ограничилась Воспорскимъ Царствомъ еще въ молодости пріобрѣтеннаго

опѣ Перисада. Будучи разбиѣнъ въ Малой Азіи великимъ Помпеемъ, онъ опшуда бѣжалъ въ Пантикапею, гдѣ согналъ съ престола сына своего, Махарей. Сей несчастный думалъ въ бѣгствѣ своемъ найти спасеніе отъ злодѣйствъ отца своего: наперстники на пути умертвили его, падѣясь отъ Митридата получить награду.

Въ униженіи своемъ, душа его неусмирилась: онъ велѣлъ умертвить еще сына своего, Ксіафара, въ отпущеніе супругъ своей, Сирапоникѣ, которая опдала Помпею замокъ въ Малой Азіи, исполненный богатства и ужасныхъ секретовъ: въ немъ заключались тайныя записки Митридата. Злополучная мать, стоя на крушомъ утесѣ *мыса Таманскаго*, была свидѣтельницею смерти сына своего, который растерзанъ по повелѣнію отца его, погасившаго въ сердцѣ своемъ чувства родительскія.

Но , приспѣло время гибели сему извергу , умерщвившему и мать и дѣтей своихъ . Провидѣніе поразило его тѣмъ же орудіемъ , коимъ оно произвело злоупотребленіе сыновней и родимельской власти , тогда , когда на *равнинѣ* , между Керчю и Еникалемъ , собиралъ онъ полки свои , дабы съ ними ринуться въ сердце Рима , и понести плу да убійство и опустошеніе!

Фанагорія подняла знамя бунта , при появленіи войска Митридата . Каспуръ , Правитель сей области , умерщвивъ Трифона , свуха - полководца , прибывшаго съ Царскимъ войскомъ , возбудилъ жителей оной къ принятію оружія . Толпа бунтовщиковъ , окруживъ замокъ , въ коемъ находились дѣти Митридатовы , взяли ихъ и послали въ слани Римскій . Одна Клеопатра (дочь) успѣла перѣхашь на другую сторону *пролива* , въ Пантикапею .

Примѣру Фаваторіи послѣдовали и другіе окрестныя народы, которые страдали отъ тиранствъ сего Царя и преданныхъ ему евнуховъ. Мишридашъ, дабы укрѣпиться дружбою съ сосѣдними Скиоскими Царями, послалъ къ нимъ своихъ дочерей съ богатыми дарами и съ предложениемъ вступишь съ ними въ супружество, а въ замѣну пребывалъ войска. Войны, недалеко отъ *Пантикапей*, побили евнуховъ, сопровождавшихъ Царевенъ, и, разграбивъ сокровища, отдали ихъ въ руки Римлянъ.

Предиріиіе Мишридата на Римъ успрашало войско его; но изъявило роношъ: Фарнакъ, сынъ его, симъ воспользовался. Къ сему также побудило его злополучная участь братьевъ его и ненависть отца его противъ Римлянъ, могущая опиятъ и послѣднее его достоиніе — Царство Восторское. Онъ тайно приклоняетъ

къ себѣ нѣкоторыхъ недовольныхъ. Митридатъ о семъ узнаетъ : у него были приверженные надзорщики , которые наблюдали надъ поведеніемъ его сына. Фарнакъ , подкупивъ ихъ , съ горстїю своихъ единомышленниковъ пошелъ къ переметчикамъ Римскимъ , составлявшимъ гвардію опца его , которые спояли близъ города. Онъ представилъ имъ трудности и опасности похода въ Испанію ; обѣщалъ имъ награды и милости , ежели примутъ его сторону и оппадутъ отъ престарѣлаго Царя , дѣйствующаго болѣе по внушеніямъ своихъ евнуховъ , и живо представилъ имъ гибель , ежели попадутся въ руки своихъ соотечественниковъ. Они склонились. Фарнакъ склонилъ и другіе снаны войска , расположеннаго въ *окрестностяхъ* Пантикапей ; это было ночью. Митридатъ утопалъ въ сладострасїи , тогда , когда его дѣятельность могла бы

уничтожить замыслы бунтовщиковъ.

На разсвѣтѣ онъ пробуждается отъ мятежныхъ криковъ воинства, подспутившаго къ спѣнамъ *Пантикапей*, коимъ предводительствуетъ сынъ его, Фарнакъ. Крики сіи раздавались и на корабляхъ, въ проливы находящихся. Всѣ тѣ, кои не знали о семъ заговорѣ, слѣдовали примѣру войска сухопутнаго и морскаго, боясь оспаться въ бесполезномъ упрямствѣ. Наконецъ, и городъ отъ него отложился. Встревоженный симъ смятеніемъ, Мишидапъ посылаетъ узнать о причинѣ бунта: посланные не возвратились, приставъ къ Фарнаку. Жители ошворяютъ воропа; Мишидапъ бѣжитъ въ замокъ, откуда посылаетъ узнать, чего требуютъ мятежники? Ему отвѣщаютъ: »чтобы царствовалъ Фарнакъ; имъ надобенъ юный Царь, а не старикъ, управляемый евреями, копо-

рый оказывалъ свое могущество —
 тиранствомъ надъ пріятелями, пол-
 ководцами и дѣтьми!»

Мипридашъ воспользовался послѣд-
 нимъ средствомъ: онъ выѣхалъ изъ
зѣлка уговаривать мятежниковъ. Со-
 провождавшіе его воины, въ глазахъ
 его, приспали къ противной сторо-
 нѣ, конхъ переметчики знаками про-
 сили умертвить Царя, грозя непри-
 нять ихъ въ станъ свой. Мипридашъ,
 видя неудачу своего предпріятія,
 поворочилъ лошадь въ *крѣпость* и
 едва ушелъ: ибо лошадь была подъ
 нимъ убиша.

Въ сію минушу онъ войска и на-
 рода Фарнакъ провозглашенъ былъ
 Царемъ. За несимѣніемъ діадимы, одинъ
 изъ присутствующихъ возложилъ на
 него широкую полосу Египетской
 бумаги.

Мипридашъ, видя сіе съ высоты
 башни, послалъ къ Фарнаку просить
 о пощаде ему жизни. Посланные не-

возвращались. Тогда онъ , изливъ проклятіе на сына своего , призвалъ своихъ пѣлохранищелей , остававшихся еще ему вѣрными , похвалилъ ихъ великодушіе и усердіе къ нему — и гелѣлъ имъ иппи къ новому Царю. . . .

Вошедъ въ палаты , гдѣ жилаи его жены и дочери , велѣлъ изготovitъ ядъ , который и поднесъ имъ. Двѣ дочери его: Мишридаша и Нисса , обрученныя уже за Царей : первая за Египетскаго , а другая за Кипрскаго , пренебрегли почеспіями Царскими и прелесніями брачнаго союза , — приняли оправу , желая имѣти утѣшеніе умереть прежде отца своего. Онъ пошчасъ и умерли. Но ядъ , принятый Мишридашомъ , неказалъ никакого дѣйствія. Предоспорожностію , употребляемая имъ съ юныхъ лѣтъ , ослабили дѣйствіе онаго. Онъ прибѣгнулъ къ мечу ; рана была легкая ; рука его затряслась отъ слабости и принятаго яда.

Мипридашъ терпѣлъ ужасную боль. Уже крѣпость взята ; входитъ Бушуишъ съ воинами : »храбрый воинъ!» вскричалъ ему несчастный Царь : »ты мнѣ оказывалъ великую услугу, сражаясь подъ моимъ повелѣніемъ съ непріятелями ; окажи еще большую : умертви меня ! Ты избавишь меня отъ стыда попавшья живымъ въ руки Римлянъ.»

Бушуишъ умертвилъ его ; присутствующіе кололи его мечами и копьями.

Екатеринодаръ. 25.20 Июля.

Обратный переездъ чрезъ проливъ Таврическій былъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Въ 10 часовъ отправился я изъ Еникаля , а въ 2 ч. пополудни пріѣхалъ въ Тамань. Небо было свѣтлое , собесѣдники—забавные и любопытные : это были Таттары , ѣхавшіе для работъ въ войско Черноморское. Лодка , нѣсколько

разъ окружаемая спадомъ морскихъ свиней и бабъ — пшницъ; въперъ пинхій и попушый; меланхолическіе пѣсни Ташаръ, воспѣвавшихъ геройскіе подвиги своихъ наѣзтниковъ, сердечную тоскливость сихъ выпязей отъ прелестей Одалискъ, запертыхъ въ гаремъ Ахмечена, и воспоминаіе о томъ, чѣмъ онѣ были во владычествованіе Хановъ,— дѣлая сію прогулку пріятною, сократили мое странствіе по сему зыбкому и опасному пути.

Неспану описывать: пріѣздъ мой въ Темрюкъ, въ 70 вершинахъ отъ города Тамана лежащій, который починали нѣкоторые ученые, за столицу Княженія Тмунараканскаго; перѣздъ мой чрезъ кордоны, устроенные по берегамъ р. Кубани, для охраненія предѣловъ Россіи отъ хищныхъ горцевъ; безпокойства отъ дурной и опасной дороги, проведенной чрезъ болота и камыши; вели-

чественные виды , представляемые
лѣсиснымъ Кавказомъ , который въ
иныхъ мѣстахъ сближается съ р.
Кубанью , (на всемъ простран-
ствѣ , гдѣ находятся кардоны Калау-
скій и Курчинскій ; сіе разстояніе
будетъ не болѣе 10 верстъ).
Довольно , ежели скажу , что я ,
прибывъ въ Екатеринодаръ благо-
получно , обогащенъ былъ новыми
впечатлѣніями и сильными чувство-
ваніями , которыя произведены вели-
чественными и новыми для меня
предметами.

Щербиновка. 22 Октября 1820 года.

Я простился съ Екатеринодаромъ
съ удовольствіемъ и съ сердечною
тоской. (*) Были минуны жишья

(*) Я былъ учителемъ въ Черноморской
Гимназіи , открытшейся 17 Мая 1820 года.—
Университету Харьковскому , взявшему во
благоуваженіе разстройство моего здоровья,
ощь злокачественнаго климата Черноморской

моего въ немъ пріѣхавша; самое даже воспоминаніе о горестяхъ, въ немъ претерпѣнныхъ мною, имѣютъ для меня свою прелесть. Припомъ, двухъ-годичное мое въ немъ пребываніе, произведшее нѣкоторую привычку къ обычаямъ народа, нѣкоторую даже привязанность къ городу; неизвѣстность о будущемъ; переездъ чрезъ пустынные степи, населенныя нѣкогда Скинами, а послѣ Татарами; множество кургановъ, свидѣтельствующіе существованіе народовъ древнихъ: все это неоднократно приводило меня къ многимъ размышленіямъ. Въ сей, если можно сказать, пріѣзжей скукѣ, я пріѣхалъ въ Щербиновку, переехавъ плошины рѣкъ: Пануровки, Кирпилей и Бейсуга;

области, угодно было перевести меня учителемъ въ Новгородъ-Сѣверскую Гимназію. Двухъ-годичное мое тамъ пребываніе я описалъ въ слѣдующемъ: *Воспоминаніе о Черноморіи* помещенной въ Украинскомъ Журналѣ, па 1895 году изданномъ.

Начальства: Медвѣдовское, Брюховецкое и Щербиновское , переведенное въ 1817 году въ село Куцовку.

Я въ Щербиновкѣ и на границѣ земли Войска Черноморскаго ? — Цѣлый день я рѣшился посвятивши отдыху , воспоминаніямъ и дружбѣ: я госпиталь у Екатеринодарскаго своего знакомаго , С. И. Сам., честнаго и умнаго гражданина , имѣющаго доброе семейство и порядочную библіотечку, состоящую изъ извореній: Екартсгаузена , мадамъ Гюіонъ, Шмиллинга, трудовъ Библейскихъ Обществъ . . . и день сей показался мнѣ часомъ. Я пренецую отъ радостной мысли: что оставляю навсегда шумную Черноморію , оставившую печать унынія на блѣдныхъ лицахъ жителей ея , и ѣду въ свою родину ; что избавился отъ опасности — попасться въ руки разбойниковъ Кавказа лѣснаго; спашу жизнь въ своихъ мѣстахъ безопасно , облаканный родны-

ми и пріятелями, скинувъ тяжелое обхожденіе, котораго требовало панство Черноморское, и неуслышу досадной пословицы : » Москаль, не добрый человекъ! »

Ейскій городокъ. 23-го Октября.

Я въ Ейскомъ городкѣ, въ 7 версахъ отъ границы земли Войска Черноморскаго описующемъ. Сей маленький городокъ стоитъ при р. Еѣ; имѣетъ хижины, выбѣлennыя и покрытыя соломой. Онъ окруженъ землянымъ валомъ, означающимъ, что здѣсь была крѣпость. Здѣсь некогда сидѣли толпы хищныхъ Кубанцевъ, приходившихъ для защиты стѣнъ Азова, кои громилъ Императоръ Петръ I. Теперь они за 200 верстъ прогнаны, и малое число Черноморскихъ казаковъ приводятъ въ ничто злыя ихъ покушенія! Городкомъ симъ распоряжаетъ Смотритель, наблюдающій за тишиною гражданъ, за

исправностию спанцій и проч., и за все ошвынчивуеиъ Начальнику Росиовскому.

Время построения сего города мнѣ неизвѣстно, какъ равно и Исторія его. Быть можетъ, въ снарину былъ и знаиымъ городомъ, столицей какого-нибудь Скиоскаго владѣльца! Былъ ли какого нибудь отношенія между р Ею и Цирцесю, Скиоскою Царницею (*)? Время и варварство, населявшее всегда сии страны, — бывшія происшествія погрузили во мракъ глубокаго забвенія. Такова-то участь невѣжества! Оно мало заботится объ удовольствіи и наставленіи потомства; чуждо любопытства, которое есть удѣлъ людей образованныхъ.

(*) Но О. Гертлингъ (Hertling) производить имя волшебницы Цирцеи, или Киркеи, отъ Греч. слова *Киркосъ*, *кругъ волшебный* или *магическій*, слово извѣстный въ сказкахъ о волшебницахъ. *Пр. Изд.*

Очаковская станція.

Какъ часто участь человѣка независимъ отъ его расчетовъ!— Мнѣ слѣдовало: или ночевать назади сей станціи, или рано прѣхать въ Азовъ. Еще въ Ейскомъ городкѣ, отъ тамошняго Смотрителя я предваренъ былъ о шайкѣ бродягъ, называемыхъ тамъ *Мугамедами*, которые имѣли свои сборища на сей станціи; къ сему способствуеетъ имъ близъ лежащая коса, вдавшаяся въ Азовское море. Коса сія, названіе коей я запомнилъ, въ окрестности имѣетъ не болѣе 5 верстъ; но по причинѣ великаго разсѣянія оной отъ селъ: *Маргаритовки* и *Кагальника*, по причинѣ непроходимаго камыша, покрывающаго оную, скрываетъ въ себѣ до 200 человѣкъ Мугамедовъ: толпа бродягъ, ушедшихъ отъ рукъ правосудія за свои преступленія. Сильное ихъ вооруженіе, говорящъ, препяи-

ствуемъ Правительству Ростовскому разсѣять и забрать ихъ , безъ участія команды военной. Разказы о ихъ буйствахъ и грабежахъ , вѣроятно увеличиваемые молвою боязливыхъ мѣстныхъ жителей, наполняютъ ужасомъ путешествующихъ и даже жителей окрестныхъ мѣстъ.

Уже и солнце закатывается за противоположные берега Азовскаго моря, а я еще нахожусь на опасной спанціи, въ худой и дурно огороженной избѣ, въ удаленіи отъ селъ, и почти одинокій , кромѣ пожилой женщины, нѣкогда сиротавшей пищу для бродягъ и уже бывшей подъ допросомъ по своему предмету у Правительства Ростовскаго , да угрюмаго ямщика, медленно гошоващаго для меня лошадей! . . . Съ сими собесѣдниками, (очень милыми) я провелъ около получаса , спрашивая объ ужасныхъ подвигахъ удалцевъ , удалившихся отъ порядка гражданственности, да-

вая чувствовать имъ, что я казен-
ный человекъ, отъ котораго бродя-
га ничѣмъ не поживишся!....

(Окончаніе въ слѣд. кн.)

П Р О Г У Л К А

по Восторскому пролив и
по берегамъ Азовскаго моря,
въ 1820-году.

(Окончаніе.)

Кагальникъ въ корчмѣ.

Совершенно уже смерклось, когда я оставилъ сію станцію. Покрытое густыми тучами небо, сдѣлало ночь самую темную, которая когда-либо была; сильный дождь, гонимый жестокимъ и порывистымъ вѣтромъ, билъ меня въ лице; при томъ ужасный шумъ волнущаго моря, отъ коего во всю сію станцію я находился не далѣе пяти сажень, приводили мои чувства и мое воображеніе въ сильное волненіе; всѣ курганы на

пути семъ представлялись мнѣ испо-
липами, скачущими на борзыхъ ко-
няхъ, и готовыми на меня мешать
смертельные удары.... Пронзитель-
ный крикъ ямщика и значительный
свистъ его, непріятно дѣйствовали
на всѣ мои чувства: кѣмъ знаетъ, съ
какимъ намѣреніемъ онъ сіе дѣлаетъ?
Быть можетъ, онъ дѣйствуетъ про-
тивно условію, которое я сдѣлалъ
съ нимъ на сшанціи, посягая на мою
гибель....

Снрахъ миновался, когда увидѣлъ я
сквозь мракъ ночи огни жишелей Ка-
гальника, а особливо услышалъ буй-
ные крики народа, веселящагося и пи-
рующаго. »Рыбныя ловли по Дону обо-
гатили жителей сего мѣстечка; те-
перь праздникъ, народъ богатый, и
вопъ веселятся!« сказалъ ямщикъ мой.
»Баринъ, пожалуйста и мнѣ на водку,«
продолжалъ онъ, оспановясь близъ
корчмы: »что-то спудѣно, припомъ
я весь измокъ.« — »Слава Богу! при-

ѣхали благополучно; не видали ни одного мугамеда; они курьеровъ неспрогають (такъ называютъ тѣхъ, кои ѣдутъ на почтовыхъ лошадяхъ, по казенной надобности), для нихъ купечество прибылыѣе....

По актамъ извѣстно, что ловля рыбы, производимая сими жителями, посредствомъ крючьевъ въ устьѣ Дона, произвела судебную вражду между ними и храбрыми казаками Донскими, которые довели оную до свѣдѣнія Правительства, которое, внявъ справедливымъ жалобамъ цѣлой области, жинели коей изъ одного почши сего промысла готовятъ себѣ коня, одежду и ополчаются на брань противу враговъ Россіи, — сдѣлало строгое запрещеніе непроизводить нигдѣ рыбной ловли крючками. Припомъ позволило заниматься рыбнымъ промысломъ жителямъ Кагальника, только въ открытомъ морѣ, гораздо въ далекомъ разстояніи отъ устья Дона.

Чрезъ сіе мѣстечко протекастъ хорошая рѣка Кагальникъ, извѣстная: попопленіемъ опрѣлами войска Воеводы Щенна (Алексѣя Семеновича), великаго числа Кубанцевъ, конми предводительствовалъ Ханъ Нурадинъ, и въ устьѣ коей, или такъ называемомъ *Морскомъ Гирлѣ*, гарнизонъ и жилища взятаго Русскими Азова имѣли свои сборища.

Азовъ. 24-го Октября.

Я пріѣхалъ въ Азовъ очень поздно, въ самую полночь, измученный опъ дальней поѣздки и душевныхъ безпокойствъ, измоченный и оледѣлый опъ дождя и холоднаго морскаго вѣтра. Нечистая комната, согрѣтая и окуренная несопрятыми сонными лампочками, узкій прилавокъ, чемоданъ въ голову — показались мнѣ лучше и уютнѣе пышныхъ чертоговъ и мягкаго въ нихъ

ложу. Я спалъ, такъ сказать, мертвымъ сномъ.

Сей городъ, ежели еще можно назвать его городкомъ, нынѣ считается заштатнымъ, и причисленъ къ Ростовскому уѣзду. Выбѣлennыя мазанки, покрыныя соломой; узкія и неопрянно загороженныя плетнемъ улицы и одна церковь — представляющъ унылую деревню, господствующую на Азіатскомъ берегу моря Меоидскаго. Видъ изъ онаго величественный: прямо виднѣтъ противоположный берегъ моря, коего одинъ мысъ убѣленъ домами города Тагаурога и близъ него лежащаго караушина; къ югу же увидѣть можно какъ гора возвышающееся море: это оптический обманъ! Крѣпость Азова изрыта; въ окрестностяхъ города много находится окоповъ и баатарей.

Сей городъ претерпѣлъ большую коловратность, бывъ прежде красивымъ и крѣпкимъ городомъ. »Азовъ

скіе осадные люди, сошедъ съ землянаго вала, засѣли въ каменный городъ, и отчаялись на смерть, « такъ говоритъ дневная записка *Желябужскаго*, описывающая дѣлія Петра Великаго. Слѣдовательно въ немъ были каменные дома. Три раза бывъ въ рукахъ Турокъ и столько же подъ властію Русскихъ, онъ нѣскольکو разъ былъ разоряемъ и пѣми и другими, или по расчетамъ своимъ, или по общему условію. Два раза былъ губерпскимъ городомъ (при Петрѣ I 15 лѣтъ, а при Екатеринѣ II 9 лѣтъ); пошомъ находился опять въ рукахъ Турковъ, и наконецъ, въ 1774 году, навсегда присвоенъ Россіею.

Сей городъ въ прошедшемъ столѣтіи, бывъ два раза впусть по нѣскольکو десятковъ лѣтъ, извѣстенъ и пѣмъ, что изъ него въ 1438 году множесиво жителей переселилось въ Казань, къ Царю Улу-

Ахмешу; а нынѣ онѣ населенъ большею частію Русскими, пришедшими изъ самыхъ опдаленныхъ губерній Россіи.

Думающъ, что имя Азова произошло отъ Половецкаго Князя Азуна или Азува, владѣвшаго имъ въ 1103 году; по крайней мѣрѣ по извѣстно, что послѣ битвы Русскихъ съ симъ Княземъ, первые спали именовать оный Азовомъ (*).

Въ семъ городѣ, во время владычества Ташаръ, бишы были монеты, коихъ 500, съ изображеніемъ Тохтамышъ-Хана, хранятся въ С. Пешербургской Кунсткамерѣ.

Взглянувъ еще на бѣдный Азовъ, замѣчательный въ древности по богатству своему, по блистательной торговлѣ съ Восточными народами и по воинскимъ доблестямъ, оказаннымъ

(*) См. Геогр. Словарь Рос. Гос. Щекатова. М. 1801. Ч. 1, стр. 62. *Прим. Изд.*

Русскими подъ спѣнами онаго, я пустился по сѣпенному мѣсту, на быспрыхъ сѣпныхъ коняхъ, до самыхъ обширныхъ луговъ величественнаго Дона, помимъ будучи неперпѣиємъ спунишь на берегъ Европы, и обяшь любезнаго Н. Н. Пон., съ коимъ прїязнь соединяла меня около 2 лѣтъ въ Харьковѣ. Прелесное воспоминаніе!

Ростовъ и Нахичевань.

Едва допацился до Ростова по изрытой и излучистой дорогѣ, проложенной чрезъ луга рѣки Дона, правильно расположеннаго на скамѣ горы. . . Еще верстѣ за 15 открылся онъ моему взору, и сіе открытіе произвело сильное препенаніе во всемъ моемъ организмѣ, возбудивъ великое неперпѣіескорѣе достигнуть онаго. Я наскучиваю, описывая частно мои восторги и чувствованія; но надобно

быть на моемъ мѣстѣ, — на мѣстѣ, въ первый разъ надолго удалившагося въ страны, дальнія отъ моей родины, въ снѣпи пустынныхъ, бывшей нѣкогда Скнои, чтобы въ полной мѣрѣ чувствовать сіи ощущенія души а какъ всё скажешь, такъ и легче на сердцѣ, хотя знаю, что *le secret d'ennuyer est celui de tout dire*.

» Всякой разъ, наслаждался великимъ удовольствіемъ, должно пріуготовлялись къ малымъ непріятностямъ, « говоришь Морицъ въ своемъ Путешествіи по Англіи. Любезнаго Пон. я незаспалъ въ Ростовѣ; обязанности по службѣ заставили его уѣхать въ Таганрогъ. И такъ, я въ Европѣ, но одинокъ! Сердце мое упало. Пойду поброжу по городу; разсѣянность, говорящъ, въ такомъ случаѣ есть бальзамъ для души

Городъ сей довольно великъ и опспросенъ правильно; улицы имѣють

широкія , украшенныя многими каменными домами и церквами хорошей Архитектуры. Особенно мнѣ въ ономъ нравился обширная квадратная площадь съ великолѣпнымъ Соборомъ, посреди оной столпимъ и огороженнымъ желѣзною рѣшеткой. Построеніе города сего началось въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпости Св. Димитрія, которая окончена въ 1761 году. Въ короткое время достигнуль онъ исполинскими шагами до шеперешняго цвѣтущаго своего сословія. Къ сему много способствовали: торговля, большіе переѣзды изъ внутреннихъ губерній Имперіи въ область Кавказскую , Астрахань и Грузію , и обильная рыбная ловля, производимая по р. Дону и Азовскому морю. Отсюда въ зимнее время плынулы большіе обозы съ рыбою въ Украину, Малороссію и даже въ нѣкоторыя губерніи

Великой Россіи. Самая р. Донъ, по коей доспавляется лѣсъ мачтовый и всякого рода хлѣбъ, пшеница, сало, деготь и пенька, содѣйствуетъ къ обогащенію жителей. Ростовская биржа, полная барками, плотами лѣсовъ, годныхъ для постройки морскихъ судовъ, кипитъ опіе дѣлательности жителей; здѣсь всякой, желающей трудиться, получаетъ хорошія деньги. Взойдите на гору, при которой находится биржа, вы насладитесь прелестною картиной, глядя на дѣлательность жителей у пристани и на необозримую луговую сторону величественнаго Дона.

Хотя сей городъ считается уѣзднымъ, но изъ Присутственныхъ мѣстъ здѣсь находится только Городничество; главное же Уѣздное Правленіе находится въ Таганрогѣ. Сношенія Ростова съ Таганрогомъ бываютъ часты и важны: здѣсь иногда закупаются товары

и доставляются опсиода на малыхъ судахъ въ Таганрогъ, откуда оныя опсправляются уже въ чужіе края.

Въ полуторѣ версты отъ Ростова лежишь городъ Нахичеванъ, прощонародно называемый Качеванъ, гдѣ живущъ Армяне. Дорога къ нему идешь чрезъ крѣпость Св. Димитріа, оставленную и гарнизономъ и жителями: говорятъ, по причинѣ дурнаго воздуха и далекаго разстоянія отъ воды. Мы же кажется, она немѣнь гарнизона по причинѣ той, что немѣнется въ томъ никакой надобности: ибо самая ближайшая граница Имперіи опспойтъ на 300 верстѣ отъ сей крѣпости. Невзирая на глубокую осень, день былъ прекрасный, и я для осмотра Нахичевана рѣшился туда пойти пѣшкомъ.

Нахичеванъ городъ обширный; опспрошенъ хорошо; дышеть дѣлательностию недоснапочныхъ и пѣгою богатыхъ Армянъ. Сюда пріѣзжаешь

ещѣ много купцовъ изъ Малороссіи и Великой Россіи. Ряды купеческіе роскошны: золото, серебро, камни дорогие и произведенія восточныя для вкуса, для одежды, все найдется здѣсь въ изобиліи; но плата за нихъ пребываетъ дорогая: Армяне, какъ и Греки, пользуются случаемъ обманывать и обмануть покупающаго, хотя впрочемъ рѣдко имъ въ томъ удается: ибо едва ли не всѣмъ извѣстна ихъ особенная ловкость по коммерціи. Нахичеванъ есть центръ Армянской торговли въ полуденной Россіи; повѣренные ихъ въ торговлѣ находятъ: въ Крыму, Черноморіи, Грузіи, даже у Черкасовъ и по другимъ спирамъ полуденной Россіи, гдѣ вся мелочная коммерція находится почти въ рукахъ Армянъ. Женскаго пола здѣсь трудно увидѣть: по обычаю восточному, онѣ лишены той свободы, кою пользуются женщины Европейскія. Языкъ Армянскій гибокъ, звонокъ, и отражается въ ушахъ какою-то твердостью.

По покореніи некоторых областей Арменіи Персидскимъ Шахомъ Аббасомъ, около 250 лѣтъ, Армяне, какъ народъ искусный въ торговлѣ, начали расселяться по разнымъ мѣстамъ Европы, большею частью по приглашенію Державъ оной, предославлявшими имъ многія преимущества. Нахичеванскіе же Армяне окрестныхъ деревень, лежащихъ по дорогѣ къ Таганрогу, пришли изъ Крыму, и поселились здѣсь въ 1780 году.

Ряди важной торговли, улучшающей сіи два города: Росшовъ и Нахичеванъ, думать надобно, что они нѣкогда сольются вмѣстѣ, и составятъ одинъ большой торговый городъ.

Говорятъ, будто любопытно быть при ошправленіи ихъ Богослуженія. Священные псалмы, пѣтые напѣвомъ спраннымъ, сопровождають они звономъ колокольчиковъ, звукомъ трубъ и какихъ-то мѣдныхъ ору-

дій (*). Поспѣшность выѣзда моего изъ Ростова лишила меня случая присутствовать при сей церемоніи, почему я побесѣдую о религіи Армянъ.

Въ Арменіи Христіанскую вѣру проповѣдываютъ Св. Апостолъ Варео-ломей, и съ тѣхъ поръ въ сей прелестной странѣ, орошаемой рѣками Тигромъ и Евфратомъ, и осынен-ной горами Арарата, начала она бы-стро распространяться по сему царству. Въ IV столѣтіи, а особли-во во время паствы Епископа Григорія, Церковь Армянская была столь въ цвѣтущемъ состояніи, что цер-ковники, свѣтскіе люди и дѣвы про-ливали кровь свою за вѣру. Сія Церковь отдѣлилась отъ Греческой во время Патріарха Фошія; Хри-

(*) Вѣроятно, въ церквахъ Армянъ Римско-Католическаго исповѣданія. См. Чинъ Св. и Бо-жественной литургіи Армянскія Церкви. Спб. 799. (Роспись А. Смирдина No 331.) *Прим. Изд.*

спіанство въ ней сохранилось, но съ великою перемѣной. Армяне имѣютъ двухъ Папріарховъ: одного въ Великой Арменіи, живущаго въ монастырѣ Ечміадзинскомъ, или трехъ церквей подлѣ Ериваня; а другаго въ Малой Арменіи, въ городѣ Цизѣ, очень близко Тарза въ Киликіи.

Армяне всѣ пребы церковныя отправляютъ на древнемъ своемъ языкѣ, очень грубомъ, который различивуешь отъ языка, нынѣ ими употребляемаго; простой народъ онаго не понимаетъ. Распространеніемъ своихъ Священныхъ книгъ они обязаны Европѣ, а особливо Франціи и Голландіи. Дюкъ де-Решинье, пригласивъ Армянъ во Францію, какъ народъ искусный къ поддержанію торговли, велѣлъ напечатать въкошорыя книги Армянскія. Армянскій Епископъ *Ошамъ*, по пріѣздѣ своемъ изъ Амстердама въ Парижъ, также сходящайствовалъ отъ Канцлера

Франціи, *Сегюра*, позволеніе къ напечатанію Библии и нѣкоторыхъ Священныхъ книгъ на семь языкъ, и съ тѣхъ поръ они начали даже имѣть свою типографію, въ Марсели: что очень огорчало Дворъ Римскій, негодовавшій на Францію за распространіе (по его понятію) заблужденій въ вѣрѣ Христіанской. Библия Армянъ переведена стихами; сей переводъ приписываютъ они Доктору *Грамарьяну*, котораго Армяне называютъ Философомъ(*).

Армяне строго соблюдаютъ посты. Они неупотребляютъ ни миропомазанія, ни соборованія масломъ. Празднуютъ въ одно время и Рождество и Крещеніе Господне, Духовенство

(*) См. Превосходное сочиненіе М. Г. Сентъ-Маршеня объ Арменіи, подъ названіемъ: *Memoires Historiques et geographique sur l'Armenie*, Paris 1819 г. 2 книги. См. также любопытное извлеченіе Шагина, Чирбеша и Маршина, пер. съ Французскаго А. Худобашева, С. п. б. 1818 (8).

ихъ женское, исключалъ монашескую.

Любезный Пов. своимъ приходомъ выгналъ изъ головы моей: Шарденъ, Галанусовъ, Бреревоода и Михаила Февра, коими я руководствовался при описаніи религіи Армянской Бросаю перо съ восхищеніемъ.

Таганрогъ. 2-го Октября.

На другой день я распрощался съ Ростовомъ, и отправился въ Таганрогъ, коего разстояніе отсюда почитается до 75 верстъ. Слыша отъ многихъ нѣсколько разъ о красотѣ и богатствѣ сего новаго города, и при томъ зная, что онъ есть родимый край друга моего Тюр., съ которымъ я вмѣстѣ воспитывался, рѣшился я побывать въ немъ, хотя сей городъ далеко былъ въ сторону отъ моего пути!... Дружба прихотлива, но сія прихотливость прелестна, уладивъ

тсльна. Воспитаніе общественное, сверхъ многихъ выгодъ, имѣетъ еще одну очень полезную: образуетъ постоянныя дружескія связи, разрывающіяся только за предѣлами жизни настоящей.

Во всю сію дорогу, находящуюся въ близкомъ разстояніи отъ моря, встрѣчались мнѣ деревни, населенныя то Армянами, то Малороссіянами, посѣренныя большею частію на прелестныхъ мѣстахъ. Еще на половинѣ моего пути, сквозь мглу тумана морскаго, въ облакахъ, представился взору моему городъ Таганрогъ, его церкви и тотъ мысъ, на которомъ онъ имѣетъ свое положеніе. Такъ вѣкогда я видѣлъ берега Тавриды, въ педальномъ разстояніи отъ Лимана Агденизовскаго. Удивительное явленіе сіе происходитъ отъ преломленія въ воздушныхъ парахъ лучей, идущихъ отъ предмета, которые представляютъ оный выше

обыкновеннаго, какъ бы висящимъ на воздухъ. Въ 4 часа пополудни я пріѣхалъ въ сей богашый и торго-
вый городъ, копорый по множеству зданій хорошей архипешуры, можно причислить къ первокласснымъ, а по отличному мѣстоположенію къ прелестнѣйшимъ городамъ Имперіи.

Городъ сей основанъ Петромъ I, въ 1706 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была каменная башня, наз. Троицкою, обведенная земнымъ валомъ и служившая маякомъ для проходящихъ изъ моря кораблей. По мирному договору съ Турками, два раза бывъ разоряемъ, онъ возобновленъ Императрицею Екатериною II въ 1770 году, и въ полѣтка уже изумляетъ путешественника огромностію и богашествомъ зданій своихъ, правильнымъ оныхъ расположеніемъ и своею обширностію. Здѣсь недавно открытъ портъ, сильно содѣйствующій къ обогащенію жителей и рас-

пространенію онаго: говоряшъ, по нѣскольку десятковъ домовъ растеетъ въ одинъ годъ. Гавань обширная: цѣлый флотъ можетъ въ ней помѣститься; но очень мелка. Верховой вѣтеръ очень далеко отплеваетъ воду отъ берега, почему въ ту пору затрудняются въ выгрузкѣ товаровъ изъ кораблей, какъ равно и въ нагрузкѣ оныхъ (*).

Три дни прожилъ я въ семъ городѣ, населенномъ и Русскими Греками, и сіи три дни провелъ очень пріятно, будучи обласканъ почтеннымъ Директоромъ тамошней Гимназіи, А. Б. Манне, и родными друга моего Тюр.—Гостепріимство, оказанное неизвѣстному и утружденному долговременнымъ путемъ, всегда вынуждаетъ сердечную признательность. » Ты знаешь, милый мой другъ,» писалъ я нѣкогда въ Тюр: » мызу Гре-

(*) См. видъ Таганрога Ош. Зап. 1827.

ка * * * тебѣ извѣснаго, въ 12 верстахъ отъ Таганрога и въ 20 шагахъ отъ моря лежащую; въ ней-то я гостилъ съ родными и знакомыми твоими. Ласковость хозяина и любезной его супруги, цвѣтущей молодостию, богатые яствія, хорошія вина, острая и занимательная бесѣда товарищей твоя юности, для меня, утомленнаго отъ продолжительнаго и скучнаго пути, были усладительнымъ отдохновеніемъ, которое и теперь воспоминаю съ удовольствіемъ и благодарными чувствами.»

Городъ Таганрогъ описанъ многими съ большею подробностію и занимательностію, почему я оканчиваю мои о немъ замѣчанія.

Приплывъ къ родимой пристани, гдѣ, углубляясь воображеніемъ въ происшествія прошедшія моей жизни, я въ часы досуга изложилъ мою прогулку, разновременно совершаемую. Сколько разъ я раскаивался

въ помѣ, что во время сихъ прогулокъ многіе предметы осматривалъ бѣгло, поверхностно, а иныхъ, можетъ быть важнѣйшихъ, вовсе не замѣтилъ; но столько же разъ оправдывалъ себя: обязанностію по службѣ, недостаткомъ въ средствахъ и сердечнымъ влеченіемъ, съ которыми я стремился достигнуть роднаго своего пріюта.

Иванъ Сбитневъ.

20 Декабря
1820.

Новгородъ-Сѣверскъ.
